

Тропами еврейской истории

Category: Kitapcy, Taryhy makalalar

написано kitapcy | 26 января, 2025

Тропами еврейской истории ТРОПАМИ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

Татьяна Аркадьевна Хвагина в зале музея.

В полном согласии с названием «Тропами еврейской истории» создатели музейной экспозиции предлагают её посетителям пройти по этим тропам от прародителя Авраама до наших дней.

Рассказывает экскурсовод, заместитель председателя Белорусского общественного объединения экскурсоводов, разработчик экскурсий, автор книг-путеводителей по Полесью Татьяна Аркадьевна Хвагина.

– Музейная экспозиция называется «Тропами еврейской истории». Её история началась не сегодня – первую музейную коллекцию ещё в начале 2000-х гг. начал собирать ныне покойный председатель Пинской еврейской общины Иосиф Янкелевич Либерман (1948 – 2017 гг.). Она состояла из самых разных предметов и документов, которые не укладывались в стройную систему, а существовали как бы отдельно друг от друга. Коллекция хранилась на втором этаже в здании бывшего Дома быта по улице Белова. (Я там бывал. Интересные экспонаты лежали на столах, в ящиках, и по всему чувствовалось, что это место временного хранения. – А.Ш.).

Предметная коллекция, собранная И.Я.Либерманом, если не считать большого числа картин, висевших на стенах того первого музея, была очень расширена при создании музея «Тропами

еврейской истории». В новой экспозиции она составляет около 15–20 процентов, но без этого начала не было бы и самого музея. Задачу спасти экспонаты и превратить их в интересную экспозицию по истории евреев Пинска и Полесья передо мной поставил основатель частного учреждения образования «Средняя школа Бейс Агарон» Моше Фима.

Когда Моше Фима предложил мне заняться еврейским музеем, я усомнилась в том, что справлюсь с этой задачей, сказала ему, что я – экскурсовод, автор экскурсий на еврейскую тему, путеводителей и книг, но опыта создания музея и оформления музейной экспозиции у меня нет. Моше Фима отклонил все мои доводы. Делать нечего – музейную коллекцию нужно было спасать. Задача минимум – перевести её на новое место, почистить и отремонтировать то, что требовало ремонта, а затем разместить в витринах и на подиумах будущего музея. Пришлось искать добровольных помощников. Отозвались пинские экскурсоводы Людмила Антоновна Андробайло и Лариса Леонтьевна Мальганова-Фарсюк. Нас объединило желание не дать пропасть коллекции, собранной И.Я. Либерманом, а двигал вперёд наш личный энтузиазм. Наконец коллекция рассортирована, уложена в коробки и перевезена. В прежнем месте хранения было затопление, и пришлось кое-что реставрировать, пострадали подшивки старых газет и отдельные стенды...

Всё было настолько разрозненным, что целостная картина будущей экспозиции никак не складывалась.

Когда Моше Фима показал нам цокольный этаж школы, где планировалось разместить музей, появились и первые идеи, подсказанные планировкой и размером музейных комнат.

В подвальном помещении оказалось два зала, большой и меньших размеров. Из большего зала можно было попасть в маленькие комнаты разного размера с разными входами. Тогда родилась идея, что в одной – можно сделать реконструкцию комнаты в еврейском мещанском доме довоенного времени XX в. К тому моменту у нас было несколько стульев, которые нуждались в ремонте, старинные настенные часы, картина, самовар, столовая посуда, старые фотографии и подшивка довоенных газет на идиш и разные мелочи.

Вторая маленькая комнатка показалась подходящей для создания в ней реконструкции мастерской сапожника или столяра, тем более, что в коллекции, собранной Иосифом Либерманом, были различные инструменты, а также заготовки и колодки, которыми пользовались местные сапожники. Оставалось только дополнить их ещё целым рядом предметов, и в конце концов получилась мастерская «широкого профиля». Эта идея – отразить таким образом еврейские профессии – нашла поддержку и у Моше Фимы, и у директора школы, и у всех, к кому мы обращались за помощью, собирая необходимые экспонаты и материалы. Как оказалось, оформление «комнаты в еврейском доме» и «еврейской мастерской» – непростое дело. Изучали старые фотографии, вспоминали художественные и документальные фильмы, консультировались со старожилами и чем дальше, тем больше понимали, что у нас не хватает стола, этажерки, подставок для цветов, абажура, фотографий в рамочках и т.п.

Начались поиски – экспедиции по старинным еврейским местечкам Полесья, опрос старожилов, коллекционеров, краеведов, обратились за помощью в Мотольский музей народного творчества, Центр традиционной культуры и быта «Спадчына Палесся» (д. Мерчицы), дрогичинский военно-исторический музей им. Д.К. Удовикова и к председателям сельских советов. Особые слова благодарности председателю Загородского сельского Совета Елене Ивановне Богатко. Она, по моей просьбе, зная, какие дома идут на снос, какие продаются, связала нас с их хозяевами. Мы с ней до этого встречались много раз, в каждый приезд дяди Миши – Ицхака-Меера Южука, уроженца Погоста-Загородского, который приезжал на свою малую родину двадцать раз, поставил на свои средства на месте гибели евреев Погоста – своих родных, близких и земляков – солидные четыре памятника, отметил памятным знаком место, где были ворота в погостское гетто, перезахоронил останки со старого еврейского кладбища, попавшего под снос.

Это харизматичный человек, судьба которого вместила и страшные потери, и пребывание в ганцевичском рабочем лагере для евреев, побег и скитания по лесу, вступление в еврейский партизанский отряд, освобождение Пинска и Пинского района, участие в боях

под Варшавой и Берлином в рядах Красной Армии. Он встретился с союзниками на Эльбе, ему довелось быть в охране, когда шёл процесс над нацистскими преступниками. Ицхак-Меер Южук много сделал во имя памяти родных и земляков, павших от рук нацистов, он сдружил между собой многих людей, жителей Пинска и Погоста-Загородского. По просьбе дяди Миши я записала его воспоминания, сделала их литературную обработку – так появилась книга «Ицхак-Меер бен Цви Южук “Урок Памяти”» (г. Пинск, Ришон ле-Цион, 2011 г.), по которой впоследствии был снят документальный фильм «Хлопчык з Пагоста»..

Елена Ивановна Богатко сразу откликнулась на мою просьбу помочь в сборе экспонатов. Оказалось, что старый дом по соседству с домом Южуков идёт на слом, и хозяева согласились отдать нам всё, что может пригодиться в музее. Здесь мы обнаружили стол, но не совсем целый. «Родными» были ножки стола: красивые, фигурные, а столешница – из фанеры. Мы решили взять эти ножки. Был найден мастер, который сделал дубовый верх. Так в «еврейской комнате» появился стол, который стал центром экспозиции. Теперь на нём красивая ажурная скатерть (подлинная!), ваза с цветами, металлический кувшин из еврейского дома, альбом с фотографиями и круглые старые очки с дужками.

На улице Погоста-Загородского вперемешку жили полешуки-белорусы и евреи. Но, глядя на фигурные ножки стола, мы предположили, что этот стол скорее всего из еврейского дома. А может быть, из имения Друцких-Любецких, которое находилось неподалеку. Мне вспомнилось, как Миша Южук говорил, что его мама была прекрасной портнихой, и когда семья Друцких-Любецких приезжала в своё имение на летний отдых, её приглашали шить модные наряды хозяйке и её дочкам. Она практически жила в имении и, руководствуясь модными французскими журналами, кроила и шила изысканные платья из дорогих привозных тканей. Кто знает, какова подлинная история этого стола, но так как уже нет довоенного поколения владельцев и нет Мишиной семьи, наше детективное расследование завершилось на этапе предположений.

В коллекции И.Я. Либермана были венские стулья, к сожалению, поломанные. Небольшой ремонт – и они заняли достойное место в экспозиции. Из Погоста-Загородского привезли оригинальную круглую тумбочку, на которую после реставрации постелили вязаную салфетку и поставили самовар. Потом появились этажерка и подставки под цветы.

Если какие-то предметы требовали поисков, то старые швейные машинки искать не пришлось. Нас буквально «завалили» предложениями. Сегодня в музее три ножных и две ручных швейных машинки. Самая старая, с очень красивой металлической станиной, второй половины XIX в. Ещё одна демонстрирует мастерство местного кузнеца, который выковал единственную в своём роде станину для ручной машинки. Есть у нас и ручная машинка, переделанная из ножной. Скрываясь от оккупантов и их приспешников в лесу под Дрогичином, еврейская семья Вишневских шила на ней рукавицы. Ткань и продукты им приносили из Дрогичина, а когда их лесное пристанище оказалось под угрозой, они ушли дальше, в глубь лесов, и если посчастливилось, нашли защиту в партизанской зоне. Машинку забрала семья, которая поддерживала с ними связь, и через 70 с лишним лет она стала музейным экспонатом.

Есть в музее, в советском разделе, и ручная швейная машинка моей мамы, Марии Васильевны Жолудевой, которая была и портнихой, и талантливой вышивальщицей. Вышитые и связанные её руками салфетки, дорожки, накидки теперь украшают экспозицию музея.

Мы решили, что над столом должен обязательно висеть абажур с бахромой. Долго искали его, но не находили. Случалось, что незадолго до нашей встречи с владельцем этот раритет выбросили. Постоянно отставали на шаг или два...

Наконец нашли мастера, который сделал железную основу абажура. Портниха, Татьяна Антоновна Сеньковец, которая до этого сшила нам нарядную одежду, традиционную для евреев довоенного Пинска, взялась сделать «одежду» для абажура. Получилось вполне правдоподобно.

Так мы продвигались шаг за шагом. Рождались новые образы. Шкатулочка, бусы, броши, ленточки, фотографии в рамочках на

стенах... Своё место на этажерке занял патефон с пластинками. Из прежней коллекции в еврейскую комнату поместили жилет, который, по словам Иосифа Яковлевича Либермана, оказался на складе вещей после ликвидации гетто. На нём были бурые пятна – следы крови, но кто был хозяином этого жилета, никто уже не расскажет.

Одновременно с экспозицией еврейской комнаты собиралась и коллекция предметов для мастерской ремесленника. Директор еврейской школы Станислав Станиславович Бизукойть помог найти старый верстак. Некоторые экспонаты сами шли к нам в руки. Удалось купить настоящую «лапу», с помощью которой сапожник шил и ремонтировал обувь. Привезли оконную раму из Погоста-Загородского. Теперь она на стене в мастерской, имитирует окошко, завешенное настоящими ситцевыми занавесками. Полочки, стулья, табуретки и многие инструменты – из того же Погоста, и всё настоящее, неприукрашенное. Немало экспонатов было подарено, но были и покупные.

Вместе с гибелью еврейских общин из местечек ушли и еврейские профессии. К примеру, нет больше мастеров, которые делали красивые двери и оконные рамы с фигурными накладками и другими элементами. У нас в экспозиции есть такая дверь, сделанная мастерами-евреями. Раньше такие входные и межкомнатные двери в Пинске были привычными, а сейчас остались считанные дома, которые могут этим похвастать. Нашу «музейную» дверь восстановили с трудом, теперь она украшает экспозицию, а в будущем её украсят витражные стёкла.

Иногда мы находили довоенные предметы быта и спорили, для чего они предназначались. Один из таких (из коллекции И.Я. Либермана) оказался устройством для выжимки белья. Его привезли из Америки. В довоенные годы немало людей уезжало на работу в США и Канаду, а потом возвращались к своим семьям. Вот они и привозили вещи, доселе не виданные на Полесье.

Есть в экспозиции табличка с надписью на польском языке с одного из магазинов – ведь Пинск до 1939 года входил в состав Польской Республики. Под ней – весы начала XX в. и старинные латунные гирьки. Рядом – аптекарская посуда, в Пинске было немало еврейских аптек, одна из них принадлежала Сендеру

Полееву и находилась на улице Т. Костюшко (её здание сохранилось, и сейчас в нём книжный магазин). Старый фотоаппарат служит напоминанием о пинских фотографиях, принадлежавших евреям Кацу, Вайнтраубу и Лидеру.

Каждый фрагмент экспозиции мы демонстрировали Моше Фиме. Высшей оценкой было слово «кра-сы-во!». Если сомневались в целесообразности того или иного предмета, всегда советовались с ним. Очень хотелось в миниатюрный музей вместить чуть ли не всю историю евреев Полесья, показать разные стороны еврейской жизни и богатые традиции. Помню рассказы Миши Южука, как он, его братья и другие мальчики учились игре на скрипке, а также различные еврейские истории, где фигурировали клезмеры – еврейские музыканты. Где взять инструмент? Благодаря Анне Олеговне Цупа, директору музыкальной школы № 1 г. Пинска, старая скрипочка нашлась и стала экспонатом нашего музея.

С самого начала нас волновал вопрос, как воссоздать облик Большой синагоги, построенной в XVII в., которая, простояв три столетия, превратилась в руины и исчезла с лица Пинска. Большая синагога была не только архитектурным памятником, но и одним из символов старого Пинска. Воссоздать её облик помогли старые фотографии, чертежи и мастерство Алексея Стефановича Пигулевского, сделавшего её макет. Это – гордость музея, а в плане ещё несколько макетов сакральных еврейских зданий.

Нам удалось в экспозиции отразить не только Пинск и знаменитое еврейское предместье Карлин, но и показать, насколько позволяла стеснённая обстановка, другие еврейские местечки, каждое из которых имело свою специализацию, славилось мастерами, сакральными памятниками и известными людьми. В экспозиции много посуды, керамики из Городной – бывшего еврейского местечка Столинского района. Оно на границе с Украиной. Родина отца Иосифа Либермана. По сей день там работают гончары, есть музей «Хата гончара», но уже 80 лет, как в еврейском местечке нет ни одного еврея, лишь скромный памятник в соседнем лесу на месте расстрела еврейской общины...

В этот раздел поместили карту Беларуси, на которой обозначены населённые пункты, ранее бывшие местечками. Поместили копии

картин, фотографий местечек. Штеты – это центры, где сохранялись и развивались еврейские традиции, народные промыслы, танцы, песни. История евреев Восточной Европы – это большей частью история штетлов и их обитателей. Отобранный материал и комментарии к нему передали дизайнеру Павлу Яковлеву, который успешно справился с такой сложной работой, и экспозиция получила продолжение в стильных и оригинальных стендах.

Раскрывая тему крупных центров еврейской жизни на территории Великого Княжества Литовского, мы представили на стенде Вильно и Белосток, Гродно и Брест, Минск, Витебск, Могилёв, Бобруйск и, конечно, Пинск, снабдив фотографии подписями и оригинальными заголовками, характеризующими роль и значение каждого из названных городов в истории евреев-литваков.

Одно из украшений экспозиции – фигурки из солёного теста. Материал хрупкий, но традиционный для Полесья. Из него в отдельных регионах делали украшения для свадебных караваев. Композиции минского художника Элины Синявской выполнены на тему еврейских праздников и традиций, здесь можно увидеть молодую пару под хупой, еврейские похороны, раввина, трубящего в шафар, празднование Пейсаха, Суккота, весёлого Пурима и многое другое.

Моше Фима был главным консультантом по духовной, сакральной теме. На наших стендах – высказывания раввинов, еврейских мудрецов, выдержки из священных текстов. Многие сакральные предметы и книги переданы им в музей и являются его гордостью. За каждым экспонатом – история и традиции еврейского народа. Мезузы, подсвечники, бокалы для кидуша, шкатулки для этрога, волчок-дрейдл, тфилины, талесы заняли в музейной экспозиции достойное место. Есть здесь и фрагмент свитка Торы, и Свиток Эстер, и многие другие экспонаты, которые позволяют прикоснуться к религиозным традициям иудеев. Каждое пополнение этой части экспозиции вызывает у нас много вопросов, приходится уточнять и правильные названия, и назначение. Спрашиваем у Моше Фимы, что означает длинный чёрный пояс, похожий на шнур. Оказалось, это гартел. Хасиды используют его во время молитвы, опоясываясь гартелом поверх одежды, чтобы

отделить верх от низа, а духовное – от греховного. В нашем музее немало старинных книг духовного содержания.

Не осталась без внимания создателей музея тема войны и Холокоста. Пока она представлена скромно – не хватает места, и коллекция тоже весьма скромная. Среди экспонатов – книги, документы, награды, картины местных художников. Есть и несколько экспонатов с историей, например, фляга, которая вместе с уроженцем Погоста-Загородского дошла до Берлина, или пишущая немецкая машинка, которая стала военным трофеем и ещё долго служила в одном из учреждений Пинска. Здесь и кусочки свитков Торы. Удалось найти денежные купюры, которые действовали в период оккупации, выпущены в 1940 году, скорее всего на территории Польши. Их приобрёл для музея Моше Фима. Чайная чашка и блюдце – нам их передали как вещи, найденные в опустевших еврейских домах. Довоенный деревянный чемодан, а на нём написанный мелом адрес. Так выглядели чемоданы пинских евреев, которым приказывали взять с собой документы, вещи и продукты на три дня и явиться на пинский железнодорожный вокзал 5 августа 1941 г. Затем вещи и документы нужно было положить перед собой и стоять, держа руки за головой. По рядам собравшихся нескольких тысяч человек проходили немцы и полицейские, отделявшие в соответствии со списком специалистов разных профессий. Так начиналась трагедия, имя которой – первый расстрел мужского еврейского населения Пинска, которое было выведено за город, в район деревни Посеничи, и зверски убито.

На стене – карта Пинска. Её нарисовал житель Пинска по фамилии Либендигер, эмигрировавший в Палестину ещё до войны. Эта карта была подарена Иосифу Либерману во время его визита в Израиль. Красным цветом на карте выделено еврейское гетто, которое занимало значительную часть Пинска и Карлина – полностью или частично 27 улиц и переулков. Существует несколько карт-схем гетто. Они созданы по воспоминаниям очевидцев, но некоторые детали их не совпадают. В своё время мы пытались перевести карту Либендигера, но наш гость Рувен, преподаватель еврейской школы, уехал, и эта работа не была завершена. Однако доподлинно известно, что там, где нарисована менора, на углу

современных улиц Кирова и Шубитидзе, стоял дом, в котором жила семья первого президента Израиля Хаима Вейцмана. Нанесена на карту и химическая фабрика Лурье, где работал будущий президент, а в то время инженер-химик Хаим Вейцман.

Картины, написанные пинскими художниками во время пленэров, посвящённых 500-летию пинской еврейской общины и Холокосту на Пинщине, представлены в залах и фойе музея. Здесь работы Сергея Шатохина, Янки Романовича, Виктора Сагановича, Сергея Жилевича, Вячеслава Юргенсона, Виталия Мисюковца, Дмитрия Беляева и других.

Второй зал, меньший, представляет собой пёстрое зрелище. Здесь и экспонаты, которые касаются советского периода, когда жизнь пинских евреев мало отличалась или вообще не отличалась от жизни других простых советских людей. Здесь и советская символика с серпом и молотом, и традиционный графин со стаканом – неотъемлемые от многочисленных профсоюзных, партийных и комсомольских собраний, календари, матрёшки, фотографии, учебник истории и томик Пушкина, кукла в красном платье, лото с деревянными бочечками, коллекции значков, открыток и спичечных коробков, две радиолы – признак достатка, и многое другое. Маленькое путешествие назад – в советскую эпоху.

На этажерке, посвящённой постсоветскому времени, – немногочисленные экспонаты, рассказывающие о возрождении еврейской религиозной жизни и деятельности религиозно-просветительского общества имени Х. Вейцмана. Над этим разделом ещё придётся серьёзно поработать.

Иосиф Либерман, собирая свою коллекцию, включил в неё и несколько предметов, не связанных с еврейской историей, но повествующих о жизни местного сельского и местечкового населения, рядом с которым евреи жили на протяжении многих лет. Так в музее появился этнографический уголок, который дополнили многие предметы, попавшие сюда из Погоста-Загородского, в том числе старый шкаф. Он был подарен девушке, которая выходила замуж в

1908 году. В Погосте-Загородском говорят: «Он из дома бабы Кати». Этот дом стоял на краю Погоста, и в годы войны во время

обстрелов и карательных акций люди прятались где угодно, даже в шкафу, – на дверце шкафа осталась отметина от пули.

В музее ещё немало интересного, и каждый из его посетителей увидит здесь что-то своё, что напомним ему какую-то страницу из его личной истории или истории его родных, близких и знакомых.

Многие останавливаются у картины Аркадия Шустермана. Это портрет Хаима Берковича Красильского. В 1990 – 2000 годах, когда в Пинске возродилась еврейская жизнь, он оказался единственным представителем довоенной еврейской общины Пинска. Именно он на протяжении многих лет читал поминальную молитву «Кадиш» и был одной из центральных фигур пинского миньяна.

Официального открытия музея ещё не было, остались небольшие штрихи, но первые посетители уже побывали. В прошлом году сюда приезжали участники республиканского семинара по туризму – экскурсоводы, специалисты турбизнеса и журналисты. Были группы из других городов, и, конечно, ученики и учителя школы «Бейс Агарон», и никого этот маленький музей не оставил равнодушным.

Рассказ Татьяны ХВАГИНОЙ,
записал Аркадий ПАПКОВ. Taryhy makalalar